

Томский государственный университет

СИБИРСКОЕ ДЕНЬЕ

Книга для учителя

Издательство Томского университета
2008

СИБИРСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Истоки и история областничества

*Опасения возрождения «областничества»
совершенно неосновательны.*

Л.Д. Троицкий. 1920

Вопреки утверждениям имперской пропаганды, казаки, завоевавшие Сибирь, не собирались отдавать её под власть царя, а хотели основать здесь вольные поселения. Недружелюбное отношение местных народов к пришельцам заставило русских заручиться воинской поддержкой государства, и Сибирь присоединили к России, но то и дело возникало опасение, что колония может отложиться.

Первого губернатора Сибири князя М.П. Гагарина единственно по подозрению отделить Сибирь от России Пётр I отрёшил от должности, заключил в застенок, долго пытал, потом (1721) вздёрнул на фонарном столбе, а спустя несколько месяцев в психопатическом припадке велел вырыть труп и опять повесить. Однако официально, в назидание казнокрадам, император объявил, что князь казнён за служебные злоупотребления.

У Екатерины II отношение к Сибири как к колонии выразилось в том, что тут стали чеканить особые деньги (в 1763–1781 гг.), но пугачёвское восстание (и его поддержка сибирскими казаками) вынудило отказаться от колониальной монеты и прочней подтянуть освоенные земли к метрополии.

Между тем вплоть по 1820-е гг. каждый глава какой-либо территории ввиду отдаления от непосредственного начальства пытался быть более свободным в своих правах, чем позволялось. Александр I назначил ревизию сибирских порядков, и генерал-

губернатор граф М.М. Сперанский выявил вопиющие злоупотребления. Он предложил ввести здесь новое законодательство и, ощутив тягу сибиряков к самостоятельности, хотел составлять совещательные собрания при губернаторах «из лиц, местному управлению посторонних».

Сто лет без пяти, до Февральской революции, Сибирь жила по уложению 1822 г. с частными модификациями. По словам сибирского историка П.А. Словцова, она, вместе с Аляской занимавшая огромную часть планеты, представляла «ничтожную и безгласную область...» (1838). Чуть позже столичный публицист барон Ф.Ф. Вигель писал, что «Россия всегда смотрела на Сибирь, как богатая барыня на дальнее поместье, случайно ей доставшееся... Поместье всегда исправно платит оброк золотом, серебром, железом, мехами: ей только и надобно... Сибирь, как медведь, сидит у неё на цепи...».

Некоторые декабристы считали возможным дать ту или иную долю самостоятельности Сибири в границах будущего государства, а И.И. Пущина в ссылке восхищало, что в Сибири «нет крепостных... Она могла бы тотчас отделиться от метрополии и ни в чём бы не нуждалась...». Ссылный (в 1857–1861 гг.) анархист М.А. Бакунин думал, что «Сибирь освобождается всё более и более от влияния России и в далёком будущем станет, без сомнения, сама госпожой своей судьбы».

Радикально настроенные россияне думали так или иначе разыграть сибирскую карту и, в основном, считали необходимым устроить здесь демократию по собственному усмотрению на западный образец. Декабрист барон А.Е. Розен считал: «Провидение, быть может, назначило многих из моих союзников и многих поляков ссылных быть основателями или устроителями лучшей будущности Сибири...». Революционеры начала 1860-х гг. планировали создание сибирской республики Свободославии, но в управлении ею предполагались писатель Н.Г. Чернышевский с соратниками и даже ссылные поляки, а сибиряки на своей земле и при демократической системе вновь оказывались на заднем плане.

Любопытно, что в 1848 г. петрашевец Р.А. Черносивтов возлагал надежды на Сибирь, ибо это «отдельная страна от России», готовая к восстанию, которое может принести осво-

бождение всей империи, а через полтора десятка лет, не зная о выкладках Р.А. Черносвитова, о том же заговорил областник Н.М. Ядринцев.

В 1857–1858 гг. правительство не позволило строить железную дорогу в Сибири ни англичанам, ни американцам, опасаясь, что «они разовьют там свои порядки и Сибирь отвалится». Сановник барон П.К. Мейендорф предостерегал правительство против затрат на благосостояние Сибири, ибо это поспособствует её «отделению от метрополии, как учит история всех колоний» (1861).

Началом пробуждения гражданского самосознания сибиряков стала дуэль иркутских чиновников особого назначения – россиянина Ф.А. Беклемишева и сибиряка М.С. Неклюдова, который был убит (1859). Возмущение поступком Ф.А. Беклемишева обратилось на «наезжих» чиновников, которые навязывают здесь свои уставы и ведут себя как хозяева. На то были давние причины: купечество было очень недовольно препятствиями, чинимыми развитию сибирской торговли и промышленности, а местная интеллигенция не могла удовлетворяться тем загоном, который ей определили «навозные» из России; в униженном положении находились и казаки, тянувшие крестьянскую и воинскую лямки, и не имеющие нужной протекции сибиряки-армейцы.

Характер именно сибирского общественного движения на этой $\frac{1}{11}$ части земного шара выразило областничество. Его предшественником называют историка А.П. Шапова, который призывал внимательно относиться к «областному элементу... зиждительному, плодотворному элементу нашей будущей цивилизации» и вдохновляться «идеей самосознания и саморазвития» областей (1860). Однако к этому времени сибирский студенческий кружок в Петербурге существовал уже год, областническая идея созрела, и в 1862 г. университетский вольнослушатель Г.Н. Потанин переделал неуклюжее четверостишие А.П. Шапова про земство (органы местного самоуправления) в ярко областническое:

Пора провинциям вставать,
Оковы, цепи вековые
Централизации свергать,
Сзывать советы областные.

В 1863 г. иркутский купец С.С. Попов, историк С.С. Шашков и публицист Н.М. Ядринцев написали воззвание «Сибирским патриотам», где утверждалось: «...народ российский смотрит на Сибирь как на свою данницу, как на рабыню, обязанную пропитывать и обогащать... в силу какого же это права?.. Что сделало правительство для Сибири?.. Оно захватило в свои руки все наши земли... Оно обратило наш вольный народ частью в подзаводных крестьян, частью закабалило в казаки... Оно обирает Сибирь посредством тяжёлых податей и налогов... Да и не перечтёшь всех подлых мер и узаконений, какими петербургское правительство тормозит и убивает промышленность и торговлю Сибири. ...Такое враждебное нам правительство недостойно управлять нами... лучшие люди Сибири сознаются, что пока отечество их будет находиться под гнётом петербургского правительства... Сибирь будет... пугалом и задним двором русского народа... всё зло в Сибири происходит от её зависимости... Сибирь может быть экономически самостоятельной страной, это не подлежит сомнению. ...Отдалённость Сибири и её географическое положение ясно указывают на необходимость её самостоятельности. ...Да здравствует республика Сибирских соединённых штатов!»

Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев возвратились в Сибирь и в 1864–1865 гг. стали пропагандировать областнические воззрения в «Томских губернских ведомостях», печатая в подцензурном органе весьма острые статьи. В 1865 г. созданную Н.М. Ядринцевым краткую редакцию прокламации («Патриотам Сибири») обнаружили в Омске. Началось следствие по делу о сепаратизме. Ожидая суда, обвиняемые находились в заключении три года. Г.Н. Потанина как идеолога приговорили к 5 годам каторги (единственный каторжник, отправленный из Сибири в европейскую часть империи, он два с половиной года провёл в кандалах), а затем к пожизненной ссылке; семь человек (в том числе Н.М. Ядринцев и С.С. Шашков) были сосланы на Русский Север, двоих выслали в Вятскую (ныне Кировская область) и в Костромскую губернии, а троих после трёх лет предварительного заключения анекдотически приговорили к 3 месяцам тюрьмы. В 1873–1874 гг. всем удалось добиться освобождения.

Между тем в 1867 г. правительство Александра II совершило куда более безрассудный поступок, продав Соединённым

Штатам Аляску, Алеутские острова и обширный бассейн Тихого океана за смехотворно мизерную сумму (не уплаченную полностью). О богатствах этого региона было уже известно (кроме нефти), но по близорукому взгляду из Петербурга казалось, что столь далёкую территорию не удержать, хотя такой угрозы вовсе не существовало.

В асылке сепаратистские настроения областников начисто пропали, и областничество обрело свой классический характер. Согласно этой концепции, область не может быть замкнутой в себе, как сельская община, и не нуждается в громоздком бюрократическом механизме, как государство, – будучи звеном между общиной и государством, область обладает наиболее органичными средствами к укреплению патриотизма и расцвету отечественной культуры. Самосознание любой области придаёт свои черты национальному самовыражению и позволяет направлять государственную политику в необходимое русло. Гражданские идеалы должны корениться в решении собственных насущных проблем, а не привноситься извне (с Запада) или свыше (административно).

Г. Н. Потанин

Г.Н. Потанин опасался «областного эгоизма», который мог перерасти в сепаратизм, но у Сибири были проблемы, которые ей приходилось решать в противодействие метрополии. Их можно пересчитать по пальцам одной руки: 1) экономическая автономия, дабы остановить расточение природных ресурсов; 2) лик-

видация положения Сибири как отстойника для уголовников; 3) формирование интеллигенции, понимающей особенность местных нужд; 4) конкретная помощь аборигенному населению; 5) переселенческое движение, проводимое с учётом интересов старожильческого населения.

При огромных неосвоенных землях, казалось бы, имелась вероятность найти место, где можно жить по собственной воле, но к концу XIX столетия таких белых пятен становилось всё меньше. Бродяги и беглые ссыльнокаторжные нашли оригинальный выход и в 1883–1886 гг. организовали свою республику в Китае на приграничной с Россией реке Желтуге (возле стыка нынешних Читинской и Амурской областей), однако терпеть такую колонию даже как бы на нейтральной территории китайское правительство не желало и военными силами прекратило существование самозванного «государства». Этот эпизод отнесли к последствиям пропаганды областничества, которое к желтугинской колонии не имело никакого отношения.

С 1882 г. Н.М. Ядринцев начал издание собственной газеты «Восточное обозрение», которую сперва выпускал в столице, а с 1888-го в Иркутске, но здесь он неожиданно встретил противодействие со стороны радикальной молодёжи, настроенной на революционно-централистский лад. Судьба крупнейшего сибирского публициста сложилась трагически. Написав множество статей и ряд книг о тюрьме и ссылке, о земельном устройстве, о народном образовании, о ситуации у инородцев, активно работая в различных культурно-просветительных союзах, служебных и научных экспедициях, но, не встретив ожидаемого отклика, в 1894 г. в Барнауле Н.М. Ядринцев отравился.

К рубежу столетий, благодаря широкой общественной деятельности, нескольким путешествиям по Монголии, Китаю и Тибету и изданию капитальных трудов, естествовед и гуманитарий, Г.Н. Потанин прославился как наибольший знаток Сибири и Центральной Азии. Когда он в начале первой русской революции, в январе 1905 г. произнёс на митинге: «Прав не ждут, а завоёвывают!» – и месяц отсидел в тюрьме, авторитет Г.Н. Потанина в Сибири стал почти непререкаемым.

Отношение к Восточному Зауралью как к колонии сохранялось. Так, ради выгоды земледельческих районов России в 1896 г.

правительство ввело тарифный перелом за провоз зерна и муки на запад от Челябинска, отменивший пониженную оплату по пудоверстам за дальний груз и введший таможенную пошлину, как будто Сибирь была чужою страной. Подорожавшие сибирские поставки разом оказались неконкурентоспособными. Лишь в 1913 г. из-за пуска железнодорожной ветки Омск–Екатеринбург перелом утратил своё значение и был отменён. Окрепшей местной буржуазии чрезвычайно мешали искусственно создаваемые рогатки, и она так или иначе способствовала росту областнического движения.

В апреле 1905 г. на съезде в Томске областники выработали программу и устав своего союза. Они принципиально не объединялись в партию, считая, что политические шоры помешают плодотворно работать на благо родной земли. Но некоторые из них принадлежали к различным партиям, и это привело к внутренним разногласиям и слабости сибирской группы в Государственной думе в период между революциями 1905 и 1917 гг.

После Февральской революции 1917 г., в мае, Народное собрание Сибири в Томске постановило: «...Сибирь, ввиду её географической обособленности от Европейской России, ввиду своей обширности и совершенно особенных этнографических и других местных условий, должна получить право широкого самоуправления, не нарушая своей органической связи с Российской республикой. ...в общегосударственных же вопросах Сибирь должна подчиняться общероссийским законам». В августе в Томске собралась очень представительная общесибирская конференция, а в октябре – Первый сибирский областной съезд, однако планы реконструкции социально-экономических отношений рухнули из-за большевистского переворота.

В декабре в Томске состоялся Чрезвычайный общесибирский съезд, избравший Временный сибирский областной совет (ВСОС), который призвал «к полному немедленному прекращению гражданской войны... на борьбу за Всесибирское учредительное собрание. Сибирское учредительное собрание осуществит переход земель в общенародное пользование, без выкупа... приведёт Сибирь, в согласие со Всероссийским учредительным собранием, к всеобщему демократическому миру; утвердит начало самоопределения всех народов Сибири». Председателем ВСОС выбрали

Г.Н. Потанина, который через полмесяца отказался от полномочий, потому что левые партии потребовали лишить крупную буржуазию избирательных прав, а последовательный демократ Г.Н. Потанин счёл это абсурдом.

Всероссийское учредительное собрание законом о федеративном устройстве признало автономию Сибири, но в Петрограде в январе 1918 г. большевики разогнали Учредительное собрание, тем самым действительно начав гражданскую войну. Сибирский областной совет направил телеграмму в совнарком: «Власти узурпаторов Сибирь не признаёт». За несколько дней до открытия Сибирской областной думы томские большевики арестовали часть депутатов, но заседание Думы тайно состоялось, а Дума назначила состав Временного правительства автономной Сибири (ВПАС). Председателем Думы заочно избрали И.А. Якушева, находившегося в красноярской тюрьме, а председателем ВПАС назначили П.Я. Дербера: оба принадлежали к партии социалистов-революционеров.

ВПАС начал подготовку к свержению большевиков, и в конце мая командующий Западным военным округом подполковник А.Н. Гришин-Алмазов отдал приказ о восстании (впоследствии, при попытке большевиков взять его в плен, застрелился). За пару месяцев Сибирь была очищена.

ВПАС принял «на себя права и обязанности центрального правительства Сибири», дабы «заложить фундамент для реконструкции и объединения России как великой федеративной демократической республики», а в сентябре передал полномочия Директории (Временному всероссийскому правительству).

Директория просуществовала около двух месяцев: в ноябре её военный министр адмирал А.В. Колчак совершил переворот и объявил себя верховным правителем России. Сибирская независимость потерпела крах. А.В. Колчак отказался решать насущную земельную проблему до окончания гражданской войны и вызвал волну сильных восстаний, но областники ещё надеялись на мирное урегулирование конфликтов и пытались помочь населению через Всесибирский союз земств и городов. Перед лицом большевистской диктатуры Потанин признал власть Колчака, боровшегося за единую и неделимую Россию.

Стратегические ошибки колчаковского генштаба позволили большевикам прорвать фронт, и летом 1919 г. они стали отвоёвывать уже и сибирские территории. Предвидя падение А.В. Колчака, областники сформировали Совет уполномоченных организаций автономной Сибири (председатель – кооператор А.В. Сазонов) и хотели созвать сибирский Земский собор, который стал бы правопреемником ВПАС и Директории. Но время было упущено.

Во Владивосток стекались части чехословацкого корпуса бывших военнопленных, которых морем отправили на родину. И.А. Якушев уговорил их командующего генерала Р. Гайду устроить здесь антиколчаковский переворот, дабы, опираясь на оружие, организовать новое областническое правительство. В ноябре Р. Гайда поднял восстание, но потерпел провал. Отступавшего на восток А.В. Колчака чехи в январе 1920 г. сдали в Иркутске местному пробольшевицкому «Политическому центру», и адмирала расстреляли.

Сибирское правительство во главе с А.В. Сазоновым всё же удалось создать. Оно существовало только пять дней в октябре 1922 г. перед эвакуацией белых из Владивостока, но благодаря ему была сорвана организация «Политического центра», аналогичного иркутскому, и предотвращён переполюс эмигрирующих. Деятельность областников в России завершилась.

В 1922 г. белые в глубине Сибири ещё продолжали борьбу. Корнет В.А. Коробейников организовал «Якутскую народную армию» численностью в полторы сотни человек и в марте взял Якутск, который удерживал около полугода. В сентябре генерал-лейтенант Анатолий Пепеляев (не путать с его старшим братом Виктором, председателем совета министров колчаковского правительства) во главе дружины чуть свыше семисот человек под областническим бело-зелёным флагом высадился на побережье Охотского моря и совершил неудачный поход в Якутию. Отряд дошёл до реки Амги, но под ударами красных отступил. В июне 1923 г. А.Н. Пепеляева взяли в плен (до 1936 г. находился в заключении, а по выходе на свободу был вскоре арестован и расстрелян).

В эмиграции повсюду возникали сибирские землячества (наиболее известные – в Харбине, Праге, Париже, Нью-Йорке), изда-

вались газеты, журналы, книги. Анализируя прошлое, приходили к выводу, что основной причиной поражения оказался недостаток сибирского самосознания.

В Советском Союзе влияние областничества некоторое время ощущалось, но планомерно вытравлялось из памяти. В конце 1920-х гг. внимание к почвенной самобытности не поощрялось, краеведческие общества закрывались и всё направлялось на строительство тоталитарного государства.

Спустя полвека Советский Союз рухнул, и о сибирских проблемах вновь заговорили, но одинокие голоса новообластников не получили нужной поддержки. Общественное мнение формируется местной прессой, целенаправленно финансируемой из столицы, и областническая идеология не имеет возможности достичь прежнего практического осуществления.

Крестьянская война

Не хочу думать, что Вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба.

В.И. Ленин. 1918

Г.Н. Потанин возлагал надежды на то, что крестьянская Сибирь когда-нибудь скажет своё слово. Это состоялось в дни, когда он умирал.

Новая власть тратила на разжигание мировой революции колоссальные суммы из имперских запасов и субсидий с Запада и, держа голодом население России, выгребала из деревенских амбаров якобы излишки зерна и муки. Правительство Ленина наложило на Сибирь дань в 110 миллионов пудов зерна, хотя советское руководство Сибири считало эту цифру «несомненно преувеличенной» и полагало, что требование удастся выполнить едва ли на семьдесят процентов. Норму на едоков очень занизили, а прокорм скота в расчёт не принимался. «Строителей светлого будущего» не занимало то, что на семенной фонд не остаётся почти ничего и люди станут вымирать. Оперативники сообщали про «случаи, когда при выполнении сырьевой развёрстки (шер-

сти) население вынуждено было стричь свои шубы, в противном случае продовольственниками отбирались в счёт этой развёрстки шубы и валенки»; вынуждали стричь овец зимой, и те дохли от холода. Если семья не могла сдать хлеб, кормильцев сажали под арест, а в Ишимском уезде даже обливали водой при тридцатиградусном морозе. И повсюду это часто кончалось тем, что у них отнимали всё имущество. Но крестьяне жили не несбыточными планами о построении коммунистического «рая» на всей планете, а пребывали в настоящем аду, и те, кто воевал против Колчака, обратили оружие против большевиков.

Считается, что на борьбу с колчаковщиной поднялось семьдесят тысяч партизан. В 1920–1921 гг. в борьбе с советской властью народ Сибири собрал вдвое большие силы.

В начале мая 1920 г. вооружённую борьбу начал отряд анархистов Г.Ф. Рогова и И.П. Новосёлова примерно в восемьсот человек, до сентября совершавший рейды на северо-востоке Алтайского края (частично район нынешних Новосибирской и Кемеровской областей). В январе 1921 г. И.П. Новосёлов поднял на бунт свыше пяти тысяч крестьян, однако в столкновении с регулярными частями Красной армии они потерпели поражение.

В конце мая 1920 г. партизанский командир Ф.Д. Плотников организовал Народную повстанческую армию с чёткой воинской организацией из семи полков, которая распространила своё влияние на Алтайский край к югу и западу от Барнаула (включая земли у Павлодара и Семипалатинска, ныне отошедшие Казахстану). Восстало около восемнадцати тысяч человек, а если учесть мощные очаги возмущения на западном Алтае и в Прииртышье, эту цифру надо увеличить. Выступая под чёрным знаменем анархизма, Ф.Д. Плотников, объявивший себя «главнокомандующим Сибири», учитывал и эсеровские (социалистов-революционеров) требования неприкосновенности крестьянской собственности, и областнические требования сибирской автономии. В бою 20 октября он покончил с собой (как в июле Г.Ф. Рогов, не желавший сдаваться). Ф.Д. Плотникову отрубили голову и провезли по сёлам напоказ.

В июле волна мятежей прошла от города Колывани, который восставшие держали несколько дней (возле Новониколаевска, ныне Новосибирска; не путать с алтайским селом Колыванью),

до впадения Томи в Обь. В бунт ввязалось около шести тысяч человек. Местный коммунистический деятель, имея в виду государственный большевистский переворот 1917 г., сказал: «Сибирская деревня сейчас переживает “октябрь”...».

Осенью волна сместилась на восток. В сентябре в Мариинском уезде (ныне север Кемеровской области) несколько дней бушевал мятеж Народной рабоче-крестьянской армии численностью около двух тысяч человек под командованием партизана П.К. Лубкова, который мечтал отделить Сибирь и Урал от коммунистической России по Волгу.

В октябре-ноябре бунт охватил обширную территорию нынешнего Красноярского края от Ачинска до Канска (с запада на восток) и от Енисейска до Хакасии (с севера на юг). Число восставших определяется приблизительно в две тысячи человек. Среди различных лозунгов – и за царя, и за Учредительное собрание, и за советскую власть – общим был один: «Бей коммунистов!». При разгроме ачинского фронта монархический отряд в триста штыков под водительством подполковника А.Р. Олиферова ушёл на север, на реку Кеть, и зимой 1920/1921 гг. совершил боевой поход по нынешней Томской области; командир отряда погиб.

В 1920 г., в октябре и ноябре же, на восстание поднялось около тысячи крестьян и бурят-скотоводов Иркутской губернии от Балаганска и Черемхова до района к северу от Байкала. В декабре 1920 г. ЧК (Чрезвычайная комиссия) ликвидировала подпольный Сибирский крестьянский союз с его широкой сетью ячеек, однако он не занимался организацией боевых действий, и пожар войны это не остановило.

В 1921 г. взволновался Запад Сибири. Вооружались в основном дробовиками, пешнями, топорами, вилами, пиками из зубьев бороны и просто кольями, потом стали захватывать оружие у войск. Сперва возмутились татарские сёла близ Тобольска, затем восстал Ишимский уезд. В феврале война охватила территорию (по нынешнему делению) Тюменской (кроме северо-востока), Омской и Курганской областей, юго-восток Свердловской (до Камышлова) и к югу от Кокчетавы до Каркаралинска (теперь эти города в Казахстане). Выступило свыше ста тысяч человек, точную цифру установить невозможно. Советское командование точно определило, что «в этом движении политической платфор-

мы как таковой нет. Есть только решительный, массовый, кричащий протест...».

Ишимское воззвание гласило: «Мы, крестьяне великой Сибири, восстали с надеждой победить», – и они надеялись, что «всё сибирское крестьянство встало против ига «вампиризма коммунистов». В листовке «Мольба отца к сыну-красноармейцу» говорилось: «Я, твой отец, лишённый права человека... избрал последний путь и крайний путь беспощадной борьбы со зверем народа – коммунизмом... обрати свой штык и пулю на врага народа – коммунизм». Ишимцы писали красноармейцам, что «принудительный коммунизм не может быть полезен для народа...». Они убеждали Сибревком, что «личность человека перестала быть личностью его, а стала как инвентарь», но высшее начальство Сибири не желало слушать голос народа и в предотвращение набегов на железную дорогу постановило расстреливать безвинных граждан – заложников, которых брали из семей повстанцев и тех, кто имел обустроенное хозяйство. Стремясь запугать население, большевики Ишима издали приказ, по которому за каждого убитого партийца расстреливали десять крестьян. По свидетельству повстанцев, в наступление на одно из сёл шли «шайки мерзавцев, идущих в бой под прикрытием безоружных граждан, которых они гонят впереди под пулемётными пулями». В приказном порядке сжигались деревни. На граждан Курганского уезда челябинские комиссары наложили дополнительную контрибуцию в 500 тысяч пудов зерна и фуража, будто на внешних врагов.

Благодаря офицерству из местных уроженцев стихийное возмущение быстро организовалось в Народную армию с делением на самостоятельные армии и фронты, но разрозненность выступлений и отсутствие прочной и скорой связи между областями мешали взаимным действиям. Руководителем западносибирского восстания обычно считают поручика В.А. Родина, учителя, – его впоследствии свои же обвинили в предательстве и убили.

На южном фронте «палочное войско бандитов» дважды ненадолго удерживало Петропавловск (ныне он в Казахстане), дней десять – Кокчетав, и, по радостному сообщению мятежников, «волна восстания неудержимо катится по станицам казачества» и казахским аулам. Неудачной оказалась попытка взять Ишим, серьёзной осаде подвергся Ялуторовск. Каркаралинск был взят уже при отступлении, в апреле.

В феврале из Тобольска панически сообщали, что повстанцы, в большинстве охотники-лыжники, подступили к городу: «Такого восстания, как здесь, не видели страницы советской истории», «банды выдерживают семи-восьмичасовые упорные бои», «точно регулярная армия». Здесь отрядом командовал (впоследствии погибший) бедный хлебороб фельдфебель В.М. Желтовский, заявивший: «Мы, крестьяне-пахари, идём за права человека и гражданина свободной Сибири...». Большевики фиксировали: «Движение огромной волной перекачивается всё дальше и дальше...». После падения Тобольска освободили Берёзов, Обдорск (ныне Салехард), Сургут. Тобольск удерживали полтора месяца, северные города – около двух. Тобольский главный штаб призывал интеллигенцию вступать добровольцами в крестьянскую армию: «Смутное время, период крепостного права и аракчеевщина померкли в мрачном дьявольском блеске большевистского режима. ...Существование разных комячеек, комтрудов, комдезертиров, трудармии и многих других скорпионов имело своей целью прямое ущемление и закабаление служилого люда. ...самую душу хотели коммунисты зарегистрировать...»; «Долго и тяжко мучили нашу матушку-Сибирь, но вот грянул гром...»; «Народ восстал против коммунистов, утопивших в крови рабочих и крестьян. ...И поняли мы теперь, что они, коммунисты, несли тогда крепостное право для нас в форме, невиданной ещё в истории всего человечества». Семьям партизан тут стали выдавать единовременное пособие от 1500 до 2500 рублей.

Поздней весной война пошла на спад: кремлёвская власть привлекала всё новые и новые вооружённые силы, а крестьянам пришла пора возвращаться к пашне. Но весь 1921 г. оставшиеся от прежней армии отряды в несколько сотен или за тысячу человек продолжали борьбу. Требуемый с Алтая продовольственный налог был втрое больше, чем в российских областях, и в июне в Горном Алтае началось формирование Народно-революционной армии. На помощь пришёл из Монголии со своим отрядом есаул А.П. Кайгородов. Бунтовало около трёх с половиной тысяч человек. Мятеж подавили в феврале 1922 г.; А.П. Кайгородову отсекли голову и в кастрюле со спиртом привезли на заседание алтайского губисполкома. Ещё года три на территории от Алтая до Байкала не прекращались партизанские вылазки. Одиночные бунты при попытках отнять муку и зерно происходили почти везде.

К 1930 г. советская власть постановила уничтожить «зажиточное» крестьянство. Не уплативших огромный налог облагали и вовсе непосильным штрафом в трёх- или пятикратном размере, затем отбирали дом и имущество, а семью зачастую ссылали куда подальше. Алтайские крестьяне писали в райисполком: «Некоторые семьи опухли от голода и лежат в постелях, а те, которые не ели уже по 4 суток, пока ещё ходят. На сегодня у нас ни куска хлеба, и мы не гарантируем за своё поведение».

Началась новая волна мятежей. В феврале–марте 1930 г. восстали алтайцы-ойроты во главе с Тужлеем Ташкиновым и русские крестьяне общей численностью около тысячи (юг Алтайского края, восток республики Алтай, Зырянский район Восточного Казахстана). Тужлей был предан своими же и позже казнён. Во устрашение каратели по деревням расстреливали толпы в тридцать-семьдесят человек. Многие семьи, преимущественно казахи и алтайцы, навсегда бежали из родных мест в Монголию и Китай.

Последним крупным восстанием было таймырское в апреле–мае 1932 г., возглавленное родоплеменным долганским вождём Романом Бархатовым, который, по его словам, поднял более пяти тысяч долган и ненцев (цифра несомненно преувеличенная). Повстанцы захватили райцентр Хатангу, и Р. Бархатов написал телеграмму «К народам мира», где говорилось, что «русские власти округа... произвели среди промышленников, оленеводов непонятное для тундры классовое расслоение и этим самым вызвали вражду между сородичами. ...Моральное угнетение, наложение непосильных налогов, платежей, твёрдых заданий по пушнине, далеко превосходящих действительную добычу пушнины, уничтожение свободы религиозных убеждений... вызвали открытое негодование... Во имя всемогущего Бога, мы, угнетённые племена Таймырского полуострова, с мольбой обращаемся ко всем европейским державам о защите и удержании руки властей от несправедливой расправы». Расправа последовала вскоре: государство «свободных народов» не могло позволить проявиться национальным возмущениям, да ещё и в краю активно строящихся концлагерей.

Свободному труженику сломали хребёт. Вместо почвенного, областнического социализма Сибирь получила рабский коммунистического образца, особенно жестокий при правлении Ленина (В.И. Ульянова) и Сталина (И.В. Джугашвили).